

Трансформация гиперреальности: от общества производящего к обществу деконструирующему

© Р.Н. Каримов

Российский университет дружбы народов, 117198, Москва, Россия

Раскрыта суть понятий гиперреальности преמודерна, гиперреальности модерна и гиперреальности постмодерна. Рассмотрена взаимосвязь между историческим переходом от одного типа гиперреальности к другой и трансформацией властных, экономических отношений и отношений человека с природной реальностью. Показан процесс перехода от гиперреальности преמודерна (как отношения человека со сверхъестественной реальностью, оформленной преимущественно в рамках религиозных доктрин, которая в значительной степени определяет формат властных и экономических отношений и общую картину мира доиндустриального общества) к гиперреальности модерна (как полю метанарративов, в рамках которых определялись картина мира и властные и экономические отношения эпохи модерна и даже современности) и к гиперреальности постмодерна (как полю виртуальной реальности в рамках сетевого общества, в рамках которой осуществляется деформация и дефрагментация традиционных властных и экономических отношений).

Ключевые слова: реальность, гиперреальность преמודерна, гиперреальность модерна, гиперреальность постмодерна, социальная динамика, экономика, власть, метанарратив

В течение последних 5–10 лет в мире наблюдались существенные изменения, в значительной степени связанные с развитием новых форм распространения информации и коммуникаций, новых форм экономического обмена и, соответственно, особых форм социальных действий и взаимодействий.

В частности, возникли такие глобальные явления современности, как социальные сети, которые сформировали новые способы коммуникации, а затем трансформировались в социальные медиа, которые, в свою очередь, являются одной из новых форм СМИ. Социальные сети не просто уводят взаимодействие в виртуальный мир, а влияют на интеграцию этого виртуального мира в реальный, изменяя не только способы коммуникаций, но и бизнес, экономику и властные отношения. Широкое распространение получает цифровая экономика как новая форма экономического взаимодействия, а власть постепенно отходит от строгой вертикальной иерархической модели, ослабляя вертикальные связи для увеличения количества горизонтальных (например, широкое распространение как в бизнесе, так и в государственных структурах систем проектного управления).

Рассмотрим некоторые статистические данные. За последние 5 лет, по информации Google Trends, запрос тем, связанных с криптовалютой, во всем мире повысился с уровня 1 (наименьший уровень популярности по собственной системе оценки Google) до 100 (наивысший уровень популярности). По данным Евростат [1], в 2008 г. 43 % европейских граждан заходили в интернет каждый день. В 2017 г. данный показатель вырос до 72 %. В 2008 г. 24 % жителей Евросоюза приобретали товары через интернет, в 2017 г. этот показатель вырос вдвое — 48 %. По данным совместного исследования АКАР и IAB Russia, объем рекламного рынка России в 2008 г. составил 257,2 млрд руб., в 2016 г. — 360 млрд руб., а сама реклама за последние годы перешла в значительной степени в онлайн-пространство: в 2008 г. доля рынка интернет-рекламы составляла 6 %, а в 2016 — 38 % при том, что доля рынка наружной рекламы сократилась с 19 до 11 %. На политической арене количество стран, носящих статус демократических, увеличился с 13 % в 1914 г. до 33 % в 1994 г. (разумеется, не одновременно, а пройдя ряд волн Хантингтона). А новые ассоциации и движения за права различных социальных групп или за какую-либо идею появляются в ускоряющемся темпе. И это лишь малая часть данных, причем преимущественно относящихся к западному миру, которая тем не менее демонстрирует вполне очевидный тренд современности глобализирующегося мира — возникновение новых или значительное распространение модернистских форм экономических и властных отношений и информационного обмена, укорененных в одном общем поле, которое в данной статье названо гиперреальностью модерна и постмодерна.

Термин «гиперреальность» ввел в научный оборот французский философ Жан Бодрийяр и определил ее как некую виртуальную реальность, созданную искусственно и стремящуюся заменить собой реальность путем создания симулякров — чистых символов [2]. В настоящей статье этот термин немного видоизменен. Для начала рассмотрим единое определение реальности, которое будем использовать в основном для подчеркивания оппозиции гиперреальности. За основу взято материалистическое понимание реальности — некий эмпирически доступный человеку природный мир, не созданный им, а существующий для него как данность, в которую человек, как и социум, погружен. Гиперреальность — то, что создается человеком и представляет собой идейно-символическое поле, является частью культуры. При этом данное поле не просто доктринально оформляется символами, идеями, идеологиями, но стремится приобрести статус самостоятельной реальности, которая являлась бы альтернативой или дополнением природной реальности. Таких альтернатив бывает несколько, поэтому понятие гиперреальности также нельзя оставить в

рамках единого определения, но можно определить его через конкретные манифестации. Поэтому гиперреальность будем понимать в рамках трех терминов и назовем их в соответствии с эпохой, в которой доминировала та или иная парадигма подмены реальности какой-либо сверхреальностью: гиперреальность преמודерна, гиперреальность модерна и гиперреальность постмодерна.

Гиперреальность преמודерна — это поле понятий, символов, образов, формирующееся благодаря обращению человека к потустороннему миру в рамках религиозных доктрин и стремящееся заполучить статус альтернативной реальности. Такой реальностью, как правило, выступает некая божественная реальность и, если говорить шире, любая потусторонняя реальность. В рамках гиперреальности преמודерна нет стремления заменить природную реальность гиперреальностью или земную реальность такими мирами, как рай или ад, они существуют параллельно, а земная реальность, как правило, отделена от потустороннего мира. Однако имеют место попытки подчинить реальность этой трансцендентной гиперреальности. Из поля потусторонней реальности исходит целый ряд социальных норм, предписаний, установок и ценностей, которые необходимо соблюдать уже в реальности. Вся земная жизнь является испытанием и подготовкой к жизни в сфере гиперреальности.

Гиперреальность модерна — это то, что Лиотар [3] назвал великими нарративами, объясняющими и объединяющими реальность в некую единую целостную картину мира. Гиперреальность модерна как продукт своей эпохи является не удаленной альтернативной реальностью, сводимой к религиозным образам и символам, а набором значительного количества идей и теорий, претендующих на теоретическое обоснование развития самой реальности. Здесь заметны попытки подменить реальность гиперреальностью модерна через целостное универсалистское объяснение реальности в рамках идеалов эпохи Просвещения: идея всеобщего прогресса, гегелевская метафизика духа, марксистское видение развития всемирной истории, которая имеет некую конечную цель, универсальные права человека, герменевтика смысла, универсальные моральные нормы и ценности и др.

Под *гиперреальностью постмодерна* будем понимать реальность бодрийеровских симулякров третьего и четвертого порядков, получивших особое распространение с развитием новых технологий в рамках виртуальной реальности и сетевого общества [4]. Гиперреальность постмодерна — это уже не некая альтернативная реальность потустороннего мира и не попытки исказить саму реальность путем подведения под нее теоретической базы, а самостоятельная реальность чистых символов и знаков, которые либо еще скрывают отсутствие оригинала (симулякры третьего порядка), либо даже уже не

скрывающие, что оригинала нет (симулякры четвертого порядка), поскольку данное поле гиперреальности стремится отказаться от предмета в угоду знака, а сам знак сделать предметом. В рамках данной модели сначала возникает разделение на реальный и виртуальный мир, а позже происходит их слияние: если в начале XXI в. данные миры существовали достаточно отдельно и незначительно соприкасались, то сегодня можно наблюдать, как мир виртуальной реальности проникает в мир реальности и стремится заменить его собой.

Введение именно трех понятий гиперреальности вместо одного не случайно и соответствует эпохе возникновения соответствующих процессов. Поскольку процесс изменения отношений человека с гиперреальностью связывается с процессом трансформации экономических, властных и социальных отношений, целесообразно рассмотреть изменение данных процессов в рамках волновой теории Э. Тоффлера [5] или концепции Д. Белла [6], которые свидетельствуют о трех больших волнах развития цивилизации, каждая из которых кардинально отличается от предыдущей. Здесь можно было бы рассмотреть и альтернативную классификацию — марксистское разделение на формации [7], однако, во-первых, в данной статье экономические отношения и формы собственности не ставятся во главу угла, во-вторых, исследованы социальные отношения, изменения которых сопровождалось возникновением новых способов отношения к реальности, либо преодоления реальности. Кроме того, будем игнорировать тот факт, что все типы обществ по Беллу могут существовать и рассуждать лишь в парадигме эволюции от аграрного типа к промышленному и информационному. Также в настоящей статье не будет рассмотрен альтернативный подход, развитый в рамках теории локальных цивилизаций (Тойнби, Данилевский, Шпенглер), поскольку в данной работе важно рассмотреть общие тренды развития человечества в целом, особенно учитывая, что в эпоху сетевого общества и глобализации гиперреальность постмодерна, претендуя, подобно гиперреальности модерна, на универсализм, порой подменяет отдельные культурные и языковые особенности некоторых цивилизаций, заменяя их глобальными кодами, против чего выступают антиглобалисты. Таким образом, данное исследование проведено в рамках идеально-типического рассуждения, чтобы охватить максимальное количество процессов и продемонстрировать их изменения.

Гиперреальность премодерна и аграрное общество. Парадигмально (т. е. идеально-типически) эпоха премодерна соответствует аграрному типу общества. Соответственно модель гиперреальности премодерна также оформляется в эту эпоху. Чем характеризуется аграрное общество по Беллу? Оно базируется на земледелии и скотоводстве как основном факторе производства. На данной стадии цен-

тром социального взаимодействия выступает труд (в основном ручной индивидуальный) как фактор производства. Именно в рамках добычи и распределения ресурсов формируется социальная динамика внутри социума, а также его культурные особенности. На базе труда выстраивалась и коммуникация. Основным фактором социального взаимодействия, направленного на разрушение, но одновременно способствующего культурному обмену, была война. Война и труд были главными причинами образования социальной динамики как в экономической и политической, так и в коммуникативной сферах. Изначально экономический обмен происходил либо напрямую (т. е. натуральный обмен), либо через фактический символ стоимости, закрепленный за конкретным предметом, не являющимся деньгами в современном значении этого слова, например за ракушками и другими редкими предметами, а позже — монетами [8]. Экономические процессы являлись результатом трех активностей — труда как фактора производства, войны как фактора обогащения (или обнищания) путем завоеваний, а также торговли, которая в значительной степени основана на коммуникации, причем в аграрную эпоху — преимущественно на вербальной межличностной, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации.

Социальная структура аграрного общества определяется количеством власти, которая транслируется через символ социального положения. Социальная структура немобильна, жестко закреплена иерархия по Парето [9] между элитами и массами. Общество данного типа также характеризует низкий уровень образования среди масс и главенство традиционных ценностей. Соответственно власть транслируется сверху вниз по жестко закреплённой вертикали, а основным видом наказания за нарушение субординации подчиненным является физическое насилие или лишение свободы с опорой на мифологическое и/или религиозное знание как средство легитимизации насилия, т. е. с опорой на ту картину мира, которая называется гиперреальностью преמודерна.

Под гиперреальностью преמודерна, как уже было отмечено, имеется в виду некое поле понятий, символов, образов, выстраивающих концепцию потустороннего мира, оформленную преимущественно в рамках религиозных концепций. Гиперреальность преמודерна — это поле символов, образов и понятий, формирующих реально существующий мир (в глазах людей, принимающих его как таковой), являющийся альтернативой реальности (которая, как правило, гораздо лучше этой самой реальности), где действуют несколько другие законы. Доступ к этой гиперреальности обычно закрыт для человека, пока он жив, и открывается только после смерти. Однако попытки описать этот мир предпринимаются регулярно. Проблемы гиперре-

альности преמודерна — это проблемы как онтологического, так и гносеологического характера. В данной парадигме гиперреальность вполне доступна человеку посредством акта веры, достаточно понятна, потому что есть священные тексты, которые снимают гносеологические проблемы. В рамках данной парадигмы нет сомнений в наличии гиперреальности и в том, как она устроена в глобальном смысле. Есть лишь сомнения в деталях ее мироустройства, о чем размышляли, например, философы средневековой эпохи. Таким образом, гиперреальность преמודерна, созданная актом творчества (здесь целиком опираемся на концепцию Фейербаха [10], согласно которой человек создал Бога по своему образу и подобию), имеет собственные особенности и чем-то отличается от реального мира, чем-то с ним схожа, а также определенным образом с ним взаимосвязана. Она образует также общее поле, к которому тем или иным способом «подключены» индивиды (человек путем молитвы обращается к Богу, Бог карает человека или помогает ему, — значит, есть некий элемент «подключенности» к гиперреальности). Определенная таким образом концепция гиперреальности преמודерна, как ни парадоксально, напоминает понятие виртуальной реальности или гиперреальности постמודерна. Однако возникновению гиперреальности постמודерна предшествовало появление гиперреальности модерна, сформировавшейся в индустриальную эпоху.

Гиперреальность модерна и индустриальное общество. При переходе к индустриальному обществу происходят существенные трансформации как в сфере власти, экономики и социальной жизни, так и в отношении к гиперреальности преמודерна и к самой реальности. Что же кардинально изменилось в эпоху Нового времени, перевернув отношение к самой реальности и к власти, которая потеряла онтологический характер своих корней?

В первую очередь индустриальная революция позволила человеку осуществить победу над природной реальностью, теперь он не был подчинен ей, а встал на одну ступень с природной реальностью или даже возвысился над ней. Основным фактором производства становится не труд, но капитал. Благодаря развитию технологий было освобождено от ручного труда большое количество людей, что, в свою очередь, влияет как на социальную динамику общества, так и на властные отношения. Промышленная революция позволила производить товар в огромных объемах. Развитие транспорта привело к подъему международной торговли, стимулировавшему совершенствование средств коммуникации. Постепенно наступает эпоха капитализма. В XVII в. появляется первая в мире фондовая биржа — Амстердамская фондовая биржа. В XIX в. возникли первые фьючерсы и опционы. Экономические отношения и отладка торговых путей, а не

защита собственных территорий становятся решающими факторами конкуренции и взаимодействия между странами. Разумеется, борьба за торговые пути и экономические интересы существовала и ранее, однако в эпоху модерна она приобретает глобальные масштабы.

П. Дракер отмечает, что «всего за полтора столетия, с 1750 по 1900 год, капитализм и технический прогресс завоевали весь мир и способствовали созданию глобальной цивилизации. Ни капитализм, ни технические новшества сами по себе не были чем-то новым; проявляясь с некоторой периодичностью, они в течение многих веков были хорошо известны и на Западе, и на Востоке. Абсолютно новым явлением стали темпы их распространения и всеобщий характер проникновения сквозь культурные, классовые и географические преграды» [11, с. 70].

Социальные структуры стали более подвижными с ростом урбанизации и количества населения. Мелкие предприниматели были вынуждены переквалифицироваться в наемных рабочих — так начался процесс, пик развития которого пришелся уже на постиндустриальную эпоху, — спрос на квалификацию, вызванный высоким уровнем конкуренции. Касательно распределения власти внутри социума, вертикаль между элитами и массами в промышленную эпоху все еще прочна, но среди масс, благодаря действиям антиэлит по Парето [12], появляются мечты об альтернативном устройстве социального мира, где все были бы равны, счастливы и имели одинаковый доступ к материальным и нематериальным благам. Среди мыслителей это в первую очередь утописты — Т. Кампанелла, Т. Мор, А. Сен-Симон, Ж. Фурье, а также материалисты — К. Маркс и Ф. Энгельс и их последователи. Все большую роль начинают играть профсоюзы и отдельные движения за права различных групп, т. е. альтернативные центры власти, представляющие интересы рабочих, женщин, детей и различных меньшинств.

При этом насилие как одна из форм власти по-прежнему остается основным средством, определяющим развитие экономических отношений, доминирования и социокультурного обмена. Однако теперь война как насилие вышла на более глобальный уровень, она ведется уже не только за близлежащие территории, но и за территории удаленные. Колониальные войны являются отличным примером того, как результаты боевых действий все больше определяли распределение власти между завоеванными территориями и странами-завоевателями, к которым относились Великобритания, Франция, Испания и др. По А. Мэхэну, завоевателями стали именно те страны, которые являлись морскими державами [13]. Согласно его же постулатам, суть войны состоит именно в борьбе за морское господство, поскольку оно дает контроль над торговыми путями, а контроль, в

свою очередь, — власть. Изначально эта власть основана на насилии, поскольку, по А. Мэхэну, завоевать контроль над торговыми путями означает разбить врага. Но далее власть насилия переходит в другие виды власти — экономическую и символическую. Дж. Томпсон выделил 4 формы власти: экономическую, политическую, принудительную и символическую [14]. Реализуются они с помощью соответствующих ресурсов: материальные и финансовые, административный ресурс, физическая и военная сила, средства коммуникации. Власть насилия крайне эффективна, но сама по себе не может быть долговременной, если не подкреплена другими типами власти. В частности, властью символической, распространение которой очень часто происходило через популяризацию культуры, языка, религии и права [15]. Чем меньше была степень легитимизации власти, тем меньшие усилия требовались для ее свержения при ослаблении власти насилия (например, отбытие значительных частей войск из колонии).

Если ранее власть рассматривалась в контексте других связанных с ней вопросов, например о справедливости или о том, каким должен быть правитель (Платон, Конфуций), то в эпоху Нового времени исследуются природа власти и социальная динамика власти (Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббс, Ф. Ницше). Если в прошлом власть понималась преимущественно с точки зрения ее инструментального характера как в первую очередь служащая достижению других целей, то в эпоху модерна власть начинает восприниматься как самоцель и ценность в себе. А в концепции Ф. Ницше воля к власти является основополагающей силой, которая движет всем миром живого, в том числе индивидуумом и социумом [16]. Возникает вопрос о легитимности власти, который не поднимался ранее, поскольку уходил корнями в сакральный мир — мир гиперреальности премодерна. Легитимность в эпоху премодерна была онтологически оправдана, так как считалось, что власть дана свыше. Но в эпоху модерна начался поиск данной легитимности не в сакральном мире, а в реальности, и не в одном единственном правителе, а в массах (концепции общественного договора).

Кроме того, значительные изменения произошли в мироощущении людей. Работа Ницше «Смерть Бога» символизирует смерть всей выстроенной в рамках премодерна гиперреальности. «Смерть Бога» занимает важное место в процессе изменения отношения к гиперреальности премодерна и реальности, поскольку, согласно Ф.В. Тагирову, концепт Бога — это не просто рядовая ценность в каком-то наборе, а высшая ценность в общей системе ценностей, выступающая основанием для ранжирования остальных объектов оценивания в заданной системе. *«Таким образом, исключение концепта Бога из числа значений, предопределяющих формирование топоса субъекта, или выведе-*

ние этого концепта на периферийный план есть не просто уход одной из ценностей (пусть и весьма важной), но и провисание возможности сопоставления различных ценностей на основании их «абсолютной» значимости. Это подразумевает, что с девальвацией данного системообразующего принципа связи, объединявшие ценности в систему, также утрачивают свою убедительность, что свидетельствует не о чем ином, как о кризисе самой ценностной системы» [17, с. 61].

Для человека мир больше не был разделен на объективно существующий реальный мир и объективно существующую гиперреальность преמודерна. Реальность осталась единственным реальным миром, и философов стали занимать вопросы о том, каким образом людям доступен этот мир. Начиная еще с эпохи Возрождения, помимо прочего античного наследия, получает широкое развитие течение скептицизма (М. Монтень, Д. Юм). Скептики сомневаются в способности сознания адекватно и полно познавать реальность и высказывать суждения о ней. Пиком развития сомнений в способности человека познавать реальность стала философия И. Канта [18], поскольку единственное, что человеку доступно на самом деле — это феномены его собственного сознания. Проблема гиперреальности преמודерна в том смысле, в котором ее понимали в Средние века, отодвигается на второй план, а на первый выходят вопросы о возможности познания реальности, которая дана человеку в ощущениях. При этом вопросы о гиперреальности преמודерна, т. е. о потустороннем мире, оформленном в религиозных доктринах и теориях, переходит, в частности у Канта, исключительно в разряд «вещей в себе», а позже у позитивистов и вовсе вытесняются из гносеологии. На смену гиперреальности преמודерна приходит гиперреальность модерна.

Гиперреальность модерна, как было отмечено ранее, — это та картина реальности, которая выстраивается через великие нарративы. Гиперреальность модерна завоевывает пространство природной реальности более агрессивно, чем гиперреальность преמודерна, формируя универсалистские суждения о ней. Если гиперреальность преמודерна сосуществовала с реальностью и следовала за ней во времени, полноценно раскрываясь только после смерти индивида, и лишь частично пыталась объяснить реальность, ограничиваясь объяснением первопричин всего сущего, то гиперреальность модерна выстраивает единственно верную картину самой реальности. История в рамках данной картины мира понимается как однонаправленный процесс, единый для всех стран и культур, что находит отражение в концепциях Гегеля, Маркса и утопистов. На политической и социальной арене провозглашается универсальный характер прав и свобод человека, идеи единства нации, а многие социальные и полити-

ческие процессы легитимизируются посредством идеи глобального прогресса. И, как ни парадоксально, попытки выстроить единую концепцию реальности в рамках гиперреальности модерна заложили основу того, что в конечном счете станет гиперреальностью постмодерна, поскольку попытки ввести универсальный порядок и объяснения явлений при одновременном росте населения, производственных мощностей, различных направлений власти, ответвлений науки — а значит, и неизбежной сегментации всего — привели к разочарованию в больших нарративах. Разумеется, представление о христианском потустороннем мире, т. е. о гиперреальности премодерна, не ушло полностью и во многих случаях сосуществует с гиперреальностью модерна, а далее и постмодерна. Но все особенности гиперреальности премодерна постепенно переходят исключительно в область веры и религии.

Гиперреальность постмодерна и постиндустриальное общество. Практически все процессы современного общества являются прямым следствием разворачивания процессов эпохи модерна. По мнению Э. Гидденса, постмодернити скорее является радикализацией модернити, чем какой-то особой стадией развития человечества [9]. Итак, главная черта постиндустриального общества, или общества постмодерна, — это принцип ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари [19], следуя которому окончательно оформляются изменения в экономической системе и размывается власть. Данный принцип проникает практически во все сферы общества. В изначальном смысле ризома представляет собой децентрализованную форму корневища растений. Делез и Гваттари использовали этот образ для описания социальных процессов современности. Децентрализация, с одной стороны, усложняет систему, с другой — делает каждую часть системы более независимой и автономной. Согласно Лиотару, общество постмодерна характеризуют два принципа — гетерогенность и гетероморфность правил, т. е. постепенный отказ от универсальных оснований и форм правил. Данные процессы, как пишет Ф.В. Тагиров, сопряжены также с «медленным вытеснением универсализующей логики принципом паралогии» [20] и явлением шизосубъектности Делеза и Гваттари [21]. В изначальном смысле паралогия означает утрату логической последовательности, декомпозицию мышления. Однако в эпоху постмодерна паралогия «чаще оказывается уже не заблуждением, а заблуждением с точки зрения конкретного видения, не бредом, а бредом по отношению к конкретному рассуждению, не чем-то, что есть “вопреки рассудку”, а чем-то сущим “вопреки рассудку” конкретного субъекта» [20]. Шизосубъектность декомпозирует всякую сингулярность на составляющие, стремясь рассмотреть каждую в отдельности, придавая всем ее компонентам равноценный статус.

Однако сегодня также наблюдается обратный процесс: независимые от центра системы настолько тесно переплетаются, настолько интерзависимы, что падение одной части системы может привести к падению всех остальных. Только это падение будет происходить не аналогично падению вертикальной структуры, где для того, чтобы распалась вся система, необходимо, чтобы распалась ее верхушка, а горизонтально, поскольку уязвимость одной из равноправных значимых частей системы в некоторых случаях достаточна, чтобы поставить под угрозу всю систему. Данные процессы можно наблюдать в современном явлении интернета вещей (*the internet of things*) [22], когда электронные системы (компьютер, телефоны, облачные технологии, интранет и пр.) настолько переплетены между собой (*interconnected*), что взлом одной из них может вызвать эффект домино. И явления, которые существуют исключительно в гиперреальности постмодерна, т. е. в виртуальной реальности, легко транслируются обратно в реальность. Взлом защиты банковской системы может привести к краже денег со счетов людей, которые в итоге не будут иметь возможности покупать что-либо в реальности. При этом стоит отметить, что за последние несколько лет люди значительно сократили количество использования наличных денег и оплачивают покупки через банковские карты и приложения на смартфоне. Из эквивалента обмена, осязаемой и конкретной вещи деньги превратились в цифры на экране телефона или компьютера.

В рамках постиндустриального общества основным фактором производства является уже не капитал, а знания или личная экспертиза. Большинство процессов, которые были зафиксированы в эпоху постмодерна, оказывается прямым продолжением тенденций, возникших в эпоху модерна. Производство становится все более и более автоматизированным. Технический прогресс, который однажды уже радикально изменил социальную реальность модерна, в эпоху постмодерна производит новые колоссальные сдвиги. Поскольку производство чаще всего автоматизировано, главной компетенцией человека выступают не способности производить и заставлять капитал работать (хотя все это остается достаточно важными составляющими), а способность удерживать производство, поддерживать механизмы в рабочем состоянии и совершенствовать их. С ростом доступности капиталов повышается конкуренция, в связи с чем увеличивается потребность в умении выделить свой продукт на фоне сотни аналогичных продуктов, произведенных конкурентами. Основным продуктом становится не вещь (ее уже производят в избыточных количествах), а услуга. Поэтому особое значение приобретают навыки работы с символами, знаками и ценностями, которые начинают подменять прямые значения продукта. Капитал и средства обмена, как и

продукты, получают особую дополнительную знаковую составляющую. Общество обрастает симулякрами. По этой причине большой ценностью становится индивидуальный опыт, который транслируется в экспертизу в определенной сфере.

В целом в эпоху постиндустриального общества экономика меняется кардинально, происходят отказ от золотого стандарта и рост долгосрочных долговых обязательств между государствами. В экономике обмен реальными деньгами (золотыми, серебряными или медными монетами, бумажными купюрами) практически перестал осуществляться и происходит посредством символов. В эпоху постмодерна возникают или получают широкое применение различные формы деривативов, акций, облигаций и прочие симулякры — символы символов. Например, долговая расписка, фьючерс или опцион — это символ символа, который позволяет осуществлять обмен деньгами или услугами без фактического обмена деньгами или услугами. Экономические отношения такого формата базируются не столько на обмене, сколько закрепляются договоренностью (например, расчетный, или беспоставочный, фьючерс — это контракт, оговаривающий цену и срок поставки товара, но при этом товар, в конечном счете, не поставляется, поскольку здесь интересен лишь процесс финансового обмена), т. е. на место денег приходят различные формы контрактов.

Но изменения в экономике за последние 5 лет шагнули еще дальше с появлением криптовалюты [23]. Криптовалюта — это прямое воплощение принципа ризомы. У нее нет единого пункта обмена или выпуска. Если эмиссия денег контролируется государственными структурами, в частности центральными банками, то производство криптовалюты контролируется не единым центральным органом, а всеми одновременно, при этом осуществить реальный контроль и как-то урегулировать данный рынок не может никто. В этом случае власть принадлежит всем и никому одновременно. Она настолько равномерно распределена между всеми участниками, что, по сути, перестала обладать самым свойством быть властью. Каждый участник равен другому и может быть как пунктом выпуска валюты, так и пунктом ее обмена, купли-продажи. Здесь происходит очень интересный процесс связи этой виртуальной экономики с реальным миром: для того чтобы создать валюту, которая является просто цифрой в компьютере, т. е. абсолютно чистым символом (в отличие от денежной купюры, которая хотя бы состоит из бумаги и краски), тратятся большие запасы электроэнергии и изнашивается техника. Получается замкнутая система: с одной стороны, на добычу электроэнергии тратятся крупные суммы денег, с другой — большое количество электроэнергии необходимо для их производства в виртуальной среде. При этом количество электроэнергии на производ-

ство одной криптовалюты уходит одинаковое, но тариф на электричество в разных странах будет разным. Поэтому стоимость одной единицы криптовалюты должна отличаться в зависимости от затрат на ее добычу. Однако стоимость криптовалюты никак не привязана к стоимости ее производства, но лишь к той цене, за которую ее готовы купить, т. е. привязка идет только к воспринимаемой (*perceived*) стоимости. Вместе с тем на текущий момент криптовалюта крайне неликвидна, т. е. на нее практически во всех странах ничего нельзя купить, за исключением отдельных товаров, при этом чаще всего на черном рынке. Кроме того, ее легально невозможно обменять на деньги, т. е. на текущий момент криптовалюта не транслируется обратно в реальность, не возвращается к стоимости вещей. Несомненно, в скором времени данная проблема будет решена, но пока криптовалюта — это вещь для себя. И ее выпуск и купля-продажа — это процессы ради процесса. Но если, например, коммуникация или творчество могут быть процессом ради процесса, поскольку в этом зачастую и состоит их смысл, а результат не обязательно должен иметь ценность и даже значение, то добыча средств материального обмена и сам материальный обмен, хотя и могут также являться творческими процессами, но все же в первую очередь устремлены к результату. Фактическая неликвидность криптовалюты, ограниченная до уровня невозможности ее обмена на ликвидную валюту или реальные блага, делает процесс ее добычи и рост ее стоимости довольно абсурдным.

Этот абсурд исходит из того, что человек живет не в реальности, над которой надстроена некая сверхреальность, с четкими правилами трансляции от последней к первой, а в двух параллельных реальностях. То, что случилось за последние 5 лет — феноменальный качественный скачок. Произошел переход от модели единой реальности, дополненной различными технологическими удобствами с некоторыми элементами виртуальности к реальности, противопоставленной виртуальности как альтернативной форме реальности. Виртуальная реальность [24] открывает различные возможности, доступные в рамках природной реальности, такие как коммуникация, взаимодействие с информацией, примерка различных социальных ролей и образов, работа и даже секс. При этом виртуальная реальность, с одной стороны, расширяет границы этих действий, с другой — не дает полноценного опыта их осуществления, является их суррогатом. Например, межличностная, или интрагрупповая, и интергрупповая коммуникации могут превратиться в массовую коммуникацию (популярный блогер напрямую общается с миллионами людей), при этом имеется возможность играть совершенно разные роли и формировать свой образ вплоть до деконструкции тела и пола. Однако данный способ коммуникации в рамках гиперреальности постмодерна не да-

ет всей полноты опыта коммуникации, например обмен феромонами, запахи и тактильные формы коммуникации полностью исключены из виртуальной коммуникации. Что примечательно, сегодня сформировалась картина мира, близкая к той, которая существовала в эпоху Средневековья: есть некая гиперреальность (потусторонний мир в Средневековье и виртуальный мир сегодня), и она едина для всех с точки зрения доступности, а есть реальность, также единая для всех. При этом опыт взаимодействия с данной гиперреальностью одновременно индивидуален и универсален для всех. В рамках гиперреальности преמודерна все праведники попадают в рай, а грешники — в ад, но суд будет осуществлен над каждым индивидуально. В рамках гиперреальности постмодерна у всех есть доступ в интернет, а интернет един для всех, но опыт взаимодействия с ним сугубо индивидуален. При этом данный мир гиперреальности существует в некоей оппозиции к реальному миру, это мир более широких возможностей, но он одновременно лишен некоторых черт реального мира, например телесной составляющей. Разумеется, гиперреальность постмодерна (виртуальная реальность) отличается от гиперреальности преמודерна (загробный мир). Гиперреальность постмодерна доступна, в меру понятна, в ней можно осуществлять различные действия, в том числе и коммуницировать с другими индивидуумами, при этом возможна постоянная интеракция с реальностью. И в рамках доминирования данной модели — сосуществование и дихотомия реальности и гиперреальности постмодерна, коммуникация становится главной и всеобъемлющей движущей силой большинства процессов современного общества, включая властные процессы.

Вертикаль власти также размывается с развитием глобального мира во главе с демократическими режимами. По отношению к власти все большее значение приобретает роль публичного образа. Подобная дихотомия политик как реальный человек и политик как образ существует очень давно. Например, Макиавелли писал, что обладать добродетелями вредно, а выглядеть обладающим добродетелями — полезно [25]. Согласно концепции К. Юнга (разделение психики индивида на несколько составляющих (персона, маска, тень), данная дихотомия публичного и личного образа укоренена в психике человека, т. е. универсальна и присуща человеку изначально [26]. В эпоху постиндустриального общества, где публичный лидер не только на виду у собственного народа, но и у всей мировой общественности, а также перед лицом записывающих устройств обязан следить за своим образом, дихотомия публичного и личного становится одной из приоритетных задач власти.

На глобальном уровне власть также видоизменяется. Страна, имеющая статус демократической, уже не может закрыть торговые пути с применением насилия, без определенной подоплеки и объяс-

нения причины. Сегодня большинству политических действий необходимо дать приемлемое обоснование, которое, как правило, базируется на сохранении, защите или распространении демократических ценностей. Но через совместный диалог демократических стран можно сделать все, о чем удастся договориться с помощью сакральной демократии. Статус демократической страны дает некий символический капитал, который транслирует власть. Это имеет много общего как с сакрализацией гиперреальности премодерна, когда под эгидой религиозных догм были реализованы различные политические акции, например крестовые походы, так и с сакрализацией гиперреальности модерна, когда во имя великих нарративов осуществлялись различные политические акции и действия. Таким образом, несмотря на общую тенденцию к фрагментации, деконструкции и отказу от универсализма, методы сакрализации какой-либо идеи никуда не исчезли. Напротив, в современную эпоху сакральным может стать все что угодно. Например, под предлогом сакрализации прав политических и социальных меньшинств осуществляются многие политико-социальные действия. Данная концепция, по сути, была заложена в рамках картины гиперреальности модерна, поскольку, согласно этой модели, демократические ценности должны носить универсальный характер, а сегодня она получила лишь свое логическое развитие — фрагментировалась на различные поднаправления, количество которых растет год от года до такой степени, что само понятие прав уже размывается за счет размывания значения концепции прав. Права утрачивают свою власть за счет утраты эксклюзивности, что приводит к конфликту интересов — права одних неизбежно ущемляют права других.

Вместе с ростом экономических инструментов на глобальном уровне повышается роль интернациональных корпораций, которые становятся новыми центрами власти на международной арене. Помимо прочего, увеличивается роль надгосударственных международных организаций (ООН, Евросоюз, НАТО и пр.) и международных ассоциаций и движений за права каких-либо групп либо в защиту чего-то (Гринпис, Красный Крест, Всемирная федерация породненных городов и пр.). Увеличение количества организаций приводит к тому, что не конкурировавшие ранее компании, чьи интересы не пересекаются, могут начать конкурировать, например, за бюджеты или за внимание аудитории к их проблеме.

Символ становится центром политических действий на международной арене. Как отмечалось выше, еще Макиавелли подчеркивал важность символического образа и действия, но разница в том, что сегодня данный обмен символами охватывает весь мир. Согласно теории демократического мира, изучаемой рядом исследователей

(Дж. Оуэн, Р. Руммель, А. Цыганков и др.), демократические страны не воюют друг с другом, однако это не отменяет борьбу, которую они ведут между собой. Если в Средние века две страны воевали на своей территории, своим оружием, то сегодня война, во-первых, осуществляется на третьей территории (война в Ираке, в Сирии и т. д.), а, во-вторых, является некой формой театрализованного действия (холодная война, война в Афганистане, во Вьетнаме). Но восприятие страны в качестве демократической может основываться преимущественно на формальной атрибутике и в реальности не соответствовать всем критериям демократической страны. Для поддержания данного имиджа необходимо выполнять определенные символические действия [27]. Борьба между такими странами осуществляется в значительно большей степени именно на арене символов, а не реального мира, это борьба за ценности, а не за ресурсы и земли. Таким образом, более правдоподобной будет следующая теория: война — это в первую очередь битва за ресурсы и контроль, прикрываемая борьбой за демократические ценности, такой точки зрения придерживаются политические реалисты (Т. Гоббс, Н. Макиавелли, Г. Моргентау, Р. Арон). Разделение на публичный образ справедливого демократа (Маска по Юнгу) и на реальный образ (Персона по Юнгу) происходит и на уровне государств. Подобно тому, как в сфере производства на первый план выходит умение выдать ценности, обложку и позиционирование товара за сам товар, так и в политике востребован навык «продажи» образа политика народу. Именно на формирование данного публичного образа, на формирование Маски, работает политика массовой коммуникации.

С одной стороны, идет процесс разделения реальности и гиперреальности постмодерна и все большая автоматизация гиперреальности, ее претензия на некое самостоятельное бытие. С другой стороны, также наблюдается их интеграция. Гиперреальность стремится не только отделиться от реальности и создать собственное бытие, но и вытеснить реальность из бытия и заменить ее собой. Поскольку восприятие информации в современном мире — это сложно контролируемый процесс, потому что медиаторы информации (телевидение, интернет, рекламные баннеры — все что Маклюэн [28] называл словом *medium*) все больше стремятся отнять у человека эту возможность, а новые технологии позволяют это сделать, то именно медиаторы реализуют над человеком власть. Рекламные баннеры на улицах информируют человека о том, чего он, может быть, не хотел знать или, по крайней мере, не выбирал это знание. Разумеется, процесс получения новой информации не всегда подразумевал выбор, он на протяжении всей истории мог быть спонтанным для субъекта. Но данная спонтанность не носила ежечасный или даже ежеминутный

характер, при этом все больше лишая человека возможности отбора информации. Даже при всем желании субъекта контролировать процесс отбора данных, интернет-технологии предлагают ему, согласно своим алгоритмам, информацию на базе предыдущих поисковых запросов или заявленных в сети интересов. При этом прошлые интересы человека не всегда отражают его регулярные и тем более будущие интересы, но с такой системой незаметно отнимают у человека возможность развития, поскольку предлагают ему то же самое, что у него уже есть. Например, индивид перестает искать что-то новое, думая, что все новое уже исчерпано. Таким образом, если в рамках реальности власть реализуется преимущественно через насилие, а в рамках гиперреальности как символического мира это насилие легитимизируется различными способами, чаще всего через сакрализацию чего-либо, то в современном мире сам символ становится прямой формой насилия, поскольку потребление символов начинает носить не контролируемый субъектом характер.

Итак, можно наблюдать, как на протяжении некоторого времени изменились основные формы взаимодействия внутри социальной системы. Западный мир, который в рамках глобализации тянет за собой остальные страны, перешел от общества, нацеленного на производство реальных благ, к обществу, нацеленному на пустое воспроизведение символических форм. Причем в рамках гиперреальности постмодерна эти символические формы объединяются в пределах особой реальности, которая дополняет природную реальность. И ни одна форма гиперреальности до современной эпохи не имела столь тесной связи с реальностью, как та, что существует сегодня. Гиперреальность постмодерна максимально интегрирована в реальность и продолжает дальнейшую интеграцию с развитием технологий виртуальной реальности и дополненной реальности. Опасность такого тренда состоит в том, что гиперреальность постмодерна — это поле чистых символов и чистой коммуникации, существующих ради самих себя. Захватывая, в определенной степени, контроль над реальностью, она смещает акцент с производства продукции на ее потребление, а с экономического обмена, привязанного к реальным вещам, к экономическому обмену, который существует ради самого себя, т. е. конструирует новую систему с новыми ценностными ориентирами. Простым примером может служить лайк в социальных сетях как некая валюта ценности. Лайки имеют смысл только в рамках гиперреальности постмодерна, у них нет реальной стоимости, они никак не транслируются в реальность, однако в современном мире целые системы действий выстроены для того, чтобы их получать. Сегодня наблюдается картина, схожая с той, что имела место ранее, в эпоху премодерна, но только как бы вывернутая наизнанку: в эпоху пре-

дерна человек был бессилён перед лицом реальности, а сегодня человека побеждает его собственное творение — гиперреальность постмодерна. Система гиперреальности постмодерна существует только в рамках собственных ценностных ориентиров, которые могут отличаться от реальных, поэтому в современную эпоху происходит постепенный процесс деконструкции ценностей модерна как ценностей реальности для их дальнейшей замены новыми — виртуальными.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Digital economy and society. *Eurostat*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/digital-economy-and-society/data/database> (дата обращения 10.02.2018).
- [2] Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. Москва, Рипол-классик, 2015, 204 с.
- [3] Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. Санкт-Петербург, Алетейя, 1998, 160 с.
- [4] Бобова Л. *Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций*. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/28sociologiya_bobova.pdf (дата обращения 10.11.2017).
- [5] Тоффлер Э. *Третья волна*. Москва, АСТ, 2004, 345 с.
- [6] Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования*. Москва, Academia, 1999, 790 с.
- [7] Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные произведения*. В 3 т. Т. 3. Москва, Политиздат, 1986, 628 с.
- [8] Базулин Ю. *Происхождение и природа денег*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008, 246 с.
- [9] Парето В. *Социалистические системы*. Москва, Директ-Медиа, 2007, 131 с.
- [10] Любутин К. *Проблема отчуждения: критика религии в философии Л. Фейербаха*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-otchuzhdeniya-kritika-religii-v-filosofii-l-feyerbaha> (дата обращения 13.11.2017).
- [11] Иноземцев В. *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. Москва, Academia, 1999, 640 с.
- [12] Парето В. *Компендиум по общей социологии*. Москва, ГУ ВШЭ, 2008, 792 с.
- [13] Mahan A. *The Influence of Sea Power Upon History*. New-York, Dover Publications, 1987, 557 p.
- [14] Thompson J. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge, Stanford University Press, 1995, 324 p.
- [15] Вебер М. *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990, 808 с.
- [16] Ницше Ф. *Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей*. Москва, Культурная Революция, 2005, 880 с.
- [17] Тагиров Ф. Аксиологический релятивизм и современная дистопия эроса. *Вестник Омского университета*, 2015, № 4, с. 59–67.
- [18] Кант И. *Критика чистого разума*. Москва, Мысль, 1994, 591 с.
- [19] Гречко П. *Концептуальные модели истории: пособие для студентов*. Москва, Логос, 1995, 144 с.
- [20] Тагиров Ф. Шизосубъект и паралогическое постижение Другого в инструментальной коммуникации. *Общество и право*, 2015, № 3, с. 295–301.
- [21] Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, 2007, 672 с.
- [22] Hazenberg W. *Meta Products: Building the Internet of Things*. Netherlands, BIS Publishers B.V., 2012, 160 p.

- [23] Поппер Н. *Цифровое золото: невероятная история Биткойна*. Москва, ИД Вильямс, 2016, 368 с.
- [24] Елхова О. *Виртуальная реальность коммуникации*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/virtualnaya-realnost-kommunikatsii> (дата обращения 19.11.2017).
- [25] Макиавелли Н. *Избранные произведения*. Москва, Художественная литература, 1982, 503 с.
- [26] Юнг К. *Архетип и символ*. Ренессанс, Москва, 1991, 304 с.
- [27] Окунева Е. Критика теории демократического мира: от реализма к конструктивизму. *Сравнительная политика*, 2015, № 4, с. 4–19.
- [28] Маклюэн М. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Москва, КАНОН-пресс-Ц, 2003, 464 с.

Статья поступила в редакцию 10.07.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Каримов Р.Н. Трансформация гиперреальности: от общества производящего к обществу деконструирующему. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 8.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-8-541>

Каримов Рамиль Наилевич — аспирант кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов. e-mail: karimovramil@gmail.com

Transformation of hyperreality: from a constructive society to a deconstructive society

© R.N. Karimov

Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Moscow, Russia

The paper gives an overview of the concepts of premodern hyperreality, modern hyperreality and postmodern hyperreality. We consider the relationship between a historical transition from one type of hyperreality to another and a transformation of power relations, economic relations and the relations between the human being and the natural reality. We show the process of transitioning from the premodern hyperreality to the modern hyperreality and then to the postmodern hyperreality. The premodern hyperreality is the relationship between a human being and a supernatural reality that is primarily defined by religious doctrines and in its turn defines the format of power and economic relations, as well as the general worldview of the pre-industrial society. The modern hyperreality is a field of metanarratives defining the worldview along with the power and economic relations in the modernist age, and even the world of today. The postmodern hyperreality is a virtual reality field linked to the online community, which enables traditional power and economic relations to be deformed and defragmented.

Keywords: reality, premodern hyperreality, modern hyperreality, postmodern hyperreality, social dynamics, economics, power, metanarrative

REFERENCES

- [1] Digital economy and society. *Eurostat*. Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/digital-economy-and-society/data/database> (accessed February 10, 2018).
- [2] Baudrillard J. *Simulacres et simulation* [Simulacra and Simulation]. Paris, Editions Galilée, 1981, 235 p. [In Russ.: Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsiya. Moscow, Ripol-klassik Publ., 2015, 204 p.].
- [3] Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984, 110 p. [In Russ.: Lyotard J.-F. Sostoyanie postmoderna. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1998, 160 p.].
- [4] Bobova L. *Vestnik MGIMO-Universiteta — MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 5, pp. 213–220. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/28sociologiya_bobova.pdf (accessed November 10, 2017).
- [5] Toffler A. *The Third Wave*. New York, William Morrow and Co., 1980, 552 p. [In Russ.: Toffler A. Tretya volna. Moscow, AST Press, 2004, 345 p.].
- [6] Bell D. *The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Basic Books, 1976, 507 p. [In Russ.: Bell D. Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo: Opyt sotsialnogo prognozirovaniya. Moscow, Academia, 1999, 790 p.].
- [7] Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1986, 628 p. (In Russ.)
- [8] Bazulin Yu. *Proiskhozhdenie i priroda deneg* [Origin and nature of money]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, 246 p.
- [9] Pareto V. *Les systèmes socialistes* [Socialist systems]. Paris, Giard & Brière, 1902, 406 p. [In Russ.: Pareto V. Sotsialisticheskie sistemy. Moscow, Direkt-Media, 2007, 131 p.].
- [10] Lyubutin K. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk — Research Yearbook. The Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences*, 2004, no. 5,

- pp. 64–81. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-otchuzhdeniya-kritika-religii-v-filosofii-l-feyrbaha> (accessed November 13, 2017).
- [11] Inozemtsev V. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* [New post-industrial wave in the West. An anthology]. Moscow, Academia, 1999, 640 p.
- [12] Pareto V. *Trattato di sociologia generale* [Treatise in general sociology]. G. Barbèra, 1916, 887 p. [In Russ.: Pareto V. *Kompendium po obshchey sotsiologii*. Moskva, Higher School of Economics Publ., 2008, 792 p.].
- [13] Mahan A. *The Influence of Sea Power Upon History*. New-York, Dover Publications, 1987, 557 p.
- [14] Thompson J. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge, Stanford University Press, 1995, 324 p.
- [15] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p.
- [16] Nietzsche F. *Der Wille zur Macht* [Will to Power]. Leipzig, Alfred Kröner Verlag, 1917, 376 p. [In Russ.: Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey* [Revaluation of all values: an experience]. Moscow, Kulturnaya Revolyutsiya Publ., 2005, 880 p.].
- [17] Tagirov F. *Vestnik Omskogo universiteta — Herald of Omsk University*, 2015, no. 4, pp. 59–67.
- [18] Kant I. *Kritik der reinen Vernunft* [Critique of Pure Reason]. Riga, Johann Friedrich Hartknoch, 856 p. [In Russ.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Mysl Publ., 1994, 591 p.].
- [19] Grechko P. *Kontseptualnye modeli istorii: posobie dlya studentov* [Conceptual models in history: a manual for students]. Moscow, Logos Publ., 1995, 144 p.
- [20] Tagirov F. *Obshchestvo i pravo — Society And Law*, 2015, no. 3, pp. 295–301.
- [21] Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. L'anti-Œdipe* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Les Éditions de Minuit, 1972, 494 p. [In Russ.: Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Yekaterinburg, 2007, 672 p.].
- [22] Hazenberg W. *Meta Products: Building the Internet of Things*. Netherlands, BIS Publishers B.V., 2012, 160 p.
- [23] Popper N. *Digital Gold: Bitcoin and the Inside Story of the Misfits and Millionaires Trying to Reinvent Money*. Harper, 2015, 416 p. [In Russ.: Popper N. *Tsifrovoe zoloto: neveroyatnaya istoriya Bitkoyna*. Moscow, ID Vilyams Publ., 2016, 368 p.].
- [24] Elkhova O. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2010, no. 137, pp. 62–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/virtualnaya-realnost-kommunikatsii> (accessed November 19, 2017).
- [25] Machiavelli N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982, 503 p.
- [26] Jung C.G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol: selected works]. Moscow, Renessans Publ., 1991, 304 p.
- [27] Okuneva E. *Sravnitel'naya politika — Comparative Politics Russia*, 2015, no. 4, pp. 4–19.
- [28] McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill, 1964, 318 p. [In Russ.: McLuhan M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, KANON-Press-Ts Publ., 2003, 464 p.].

Karimov R.N., post-graduate student, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia. e-mail: karimovramil@gmail.com